не должно было вовсе уйти: искусство имело в его глазах собственные путь и судьбу, которые могли и оставить в стороне от себя того или другого стихотворца.

Именно на страницах «Евгения Онегина» и, по всей видимости, в непосредственной связи с определявшимся здесь у Пушкина новым опытом его же муза живет в нем самом как бы вполне самостоятельно, словно бы даже отдельно от его житейского облика, хотя это именно е г о муза.

В VIII главе «Онегина» он приводит ее на раут:

И нынче музу я впервые
На светский раут привожу....

И тут же ее вроде бы слитые с его собственной участью черты видит уже как бы со стороны:

На прелести ее степные
С ревнивой робостью гляжу.

И словно бы вне его воли она свершает свое назначение:

Сквозь тесный ряд аристократов,
Военных франтов, дипломатов
И гордых дам она скользит;
Вот села тихо и глядит....

Предощущение повсюду личностей со своими собственными историями, которые могут сложиться по-разному, и становление в самом поэте сознания суверенности им же творимого искусства предстают в художественной системе «Евгения Онегина» как процесс единый и нераздельный.

Казалось бы, при таком устанавливавшемся у Пушкина по мере создания «романа в стихах» восприятии рисуемых лиц и собственного труда возможности для лирического самораскрытия поэта остаться не должно было.

Но, когда С. Г. Бочаров говорит, что «лирика „я" в романе куда эмпиричнее, необобщеннее, чем собственно лирика Пушкина» [7], он оказывается прав. Мы в самом деле нигде — ни в каком-нибудь отдельном пушкинском стихотворении, ни даже во всех них, вместе взятых,— не узнаем о Пушкине так много житейских подробностей, даже почти интимных обстоятельств, как именно в «Онегине». Соответствующие цитаты у всех на памяти — они-то, между прочим, и составляют основной корпус того нашего знания о Пушкине, которое мы почерпнули из его поэзии.

И нигде, кроме «Онегина», Пушкин, наверное, не разрешил бы себе так оборвать свою речь и представить такое объяснение этому, как в конце III главы романа, когда Онегин, получив письмо Татьяны, приехал к Лариным:

Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять, и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь.

П. А. Катенин имел основание писать Пушкину по прочтении I главы «Онегина»: «Кроме прелестных стихов, я нашел тут тебя самого, твой разговор, твою веселость, вспомнил наши казармы в Мильонной». А Белинский затем скажет, что «немного есть на свете творений, в которых личность поэта отразилась бы так полно, светло и ясно, как отразилась в „Онегине" личность Пушкина» [8].

[7] *Бочаров С. Г.* Указ. соч., с. 123.
[8] *Белинский В. Г.* Полное собр. соч., т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 431.